

Василь Быков

В тумане

ФТМ

Василий Быков

В тумане

«ФТМ»

1988

Быков В. В.

В тумане / В. В. Быков — «ФТМ», 1988

«... Наверное, Бурова ранило здорово, пуля, похоже, навывлет пробила бок, и раненый медленно исходил кровью. Сознание его то и дело меркло, растворяясь в чудовищной боли, которая теперь властвовала почти во всем теле, сердце обмирало от слабости, и он проваливался в мучительный мир призраков. Однако по ту сторону сознания боль эта превращалась в муки несколько иного характера, чем наяву, там он страдал душевно, от какой-то непонятной несправедливости, постигшей его. Физически он чувствовал себя лишь напрочь обессиленным и опустошенным, с неуклюжими ватными ногами и такими же ослабевшими руками. Этими руками он едва держался за край кузова своей полуторки, стремительно катившейся под уклон по дороге к Залесскому озеру, где был мостик через протоку в другое, поменьше озеро. Но мостик этот исчез самым непонятным образом, не осталось даже следа от него, полуторка набирала скорость, а он не в состоянии был взобраться в кузов, чтобы попытаться остановить ее. Почему она покатилась, того он не знал: может, не поставил на тормоз, а может, кто-то другой управлял ею в кабине, но машина вскоре должна была свалиться с обрыва. Буров стонал, кричал даже, но не слышал своего крика, как его, наверно, не слышал никто, хотя рядом по дороге шли и ехали люди. Это были странные люди, все в незнакомой коричневой форме, японцы, что ли? Многие из них поблескивали очками на плоских косоглазых лицах, подозрительно поглядывали на него, но никто не попытался ему помочь. И вот наконец случилось то, что не могло не случиться – машина оторвалась от дороги... Только в протоку она не свалилась, полет ее странно замедлился, она вроде бы даже поднялась в воздух, и с нею поднялся он, все так же уцепившись за борт. Минуту спустя он уже парил в воздушном пространстве над озером, и ему стало вроде даже приятно в этом мягком, плавном парении. Земля и озерные берега отделились, исчезли из виду, окутанные предвечерними тенями. В этом теплом безветренном пространстве он ощутил себя словно в нежарком банном пару. Недолгое его блаженство оборвал громкий, суровый окрик, раздавшийся

откуда-то сверху, смысл его Буров понять не мог, но тревога уже охватила его, он знал – сейчас что-то случится, ...»

© Быков В. В., 1988

© ФТМ, 1988

Василь Быков

В тумане

Холодным слякотным днем поздней осени на втором году войны партизанский разведчик Буров ехал на станцию Мостище, чтобы застрелить предателя – здешнего деревенского мужика по фамилии Сущеня.

Этот Сущеня еще с довоенного времени работал на железной дороге и считался неплохим человеком, но, месяц назад арестованный полицией за диверсию возле Выспанского моста, купил себе жизнь тем, что выдал соучастников, своих же путейцев, вместе с которыми развивчивал рельсы. Путьцев повесили в местечке, а Сущеню выпустили, и он вторую неделю отсиживался под боком у гарнизона, в своей хате на окраине станции, в тепле и сытости, полагая, наверное, что партизаны до него не доберутся. Простят его. Но такое не прощается, за такое следовало наказать. Командиры в отряде, посоветовавшись, приняли решение и прошлой ночью послали Бурова сделать то, чего невозможно было не сделать. В помощь ему дали партизана Войтика, и они вдвоем верхом на лошадях, отмахав километров тридцать лесного пути, в тот же день к вечеру выбрались из леса на опушку в километре от Мостища.

В лесу уже темнело, холодный туман и ранние сумерки быстро поглощали мокрый сосняк, почти голый, с остатками жухлой листвы подлесок, а на полевом пространстве за грязной гравийкой было еще светло; в лица всадников ударил влажный порывистый ветер, и они остановились. Буров привычно огляделся, прикидывая, куда их занесло и куда теперь лучше податься. Но он уже увидел за полем раскидистые кроны старых пристанционных деревьев, ближе, на склоне пригорка, темнело несколько хат с садками, пара копен припасенного летом сена, хлевки и сараи. Пониже, у речки, в конце огородов, за кустарником, сиротливо чернела банька – там, помнил Буров, была кладка через речушку, где, наверное, и можно будет перебраться с лошадьми на ту сторону.

Однако, пока не стемнело, их могли увидеть в поле, а в том деле, ради которого они сюда ехали, лучше было обойтись без свидетелей. Тем более без полицаев-бобиков. Если бобики их заметят, то, считай, все пропало, придется смываться в лес, подальше от людей и вообще от Мостища. Нет, надо было выждать полчаса или больше, пока стемнеет, и потом уже двинуться к станции.

Буров повернул кобылку в сторону Войтика, который, ссутулясь под мокрой, из домотканого сукна поддевкой, уныло сидел на распаренной мухортой лошадке, тоскливо поглядывая в поле.

– Видал вон! Приехали, – кивнул Буров в сторону станции.

Войтик знобко повел мокрым плечом, над которым косо торчал ствол его длинной «драгунки». На его худом, неведомо когда бритом лице под длинным козырьком черной кепки не отразилось ничего, кроме усталости и явного желания отдохнуть. Но до отдыха, наверно, было еще далеко.

– Вижу...

– Повременим немного. Стемнеет – поедем.

– А река там, – двинул острым подбородком Войтик. – Болото.

– Да уж переберемся как-нибудь.

– Хорошо – как-нибудь...

Ну конечно, Войтик уже сомневался, как это бывало не раз за дорогу. До чего осторожный человек, подумал Буров, все ему кажется не так, все он понимает иначе, все взвешивает по-своему. Буров уже досадовал, что ему достался такой напарник, но, видно, лучшего не нашлось, пришлось ехать с тем, кого дали.

Не спешиваясь, они укрылись в голом ольшанике на опушке, давая лошадям возможность отдохнуть; да и самим надо было перевести дыхание – впервые за сегодняшний день; Буров все оглядывал поле, памятное ему еще с того времени, как сам жил в этой деревне при станции. Летом тут была, кажется, рожь, однако давно уже убранная, истоптанная скотом нива раскисла от дождей, в густо затравеневшей стерне поблескивали налитые водой коровьи следы. Размякшие коровьи лепехи серыми пятнами лежали на стежке, по краю нивы. Притуманенная даль за полем и станцией медленно исчезала в ненастных сумерках, но вблизи было еще светло и их могли увидеть со станции.

– Думаешь, он нас ждет? – сказал, помолчав, Войтик, имея в виду то главное, что теперь беспокоило обоих.

– Может, и не ждет.

– Давно смылся куда. В полицию, может...

– Приедем – посмотрим. А то сядем в засаду, – ощущая невольное раздражение от несогласия напарника, сказал Буров.

Войтик настороженно повернулся в одну сторону, в другую, и, хотя смолчал, Буров понял, что садиться в засаду ему не очень хотелось. Хотелось скорее вернуться назад, в Воловскую пушу, к своим шаламам, где возле дымных костров теплее и уж наверняка безопаснее, чем в окрестностях этой станции. Весь день они пробирались сюда борами и перелесками, вымокли в хвойных зарослях; плечи, бедра и колени давно уже онемели от стужи. Ехали без седел, у Бурова под задом лежала какая-то измятая дерюжка, которая все время сбивалась то на одну, то на другую сторону, Войтик же трясся на ничем не покрытом хребте косматой своей лошаденки. Оба давно были голодны – слегка перекусили на рассвете в лагере, с собой взять было нечего, надеялись чем-либо разжиться в дороге. Но, к счастью или на беду, в дороге никто им не встретился, а в деревни они не заезжали, чтобы ненароком не наткнуться на полицию. Думалось, сделают дело, будут ехать назад, тогда, может, куда и заскочат, перехватят чего-нибудь и погреются.

Вообще все это не нравилось Бурову. Да и Войтику, он видел, тоже.

Уж лучше сходить куда-либо на связь – в деревню или на дальний хутор, даже посидеть возле шоссе в засаде, чем отправляться на такое задание. Но вот пришлось, хотел или нет, начальство о том не спрашивало, приказало, и все – беги исполняй. Впрочем, тут было понятно: этого Сущенко в отряде, кроме Бурова, знал в лицо еще Ковзан, отиравшийся с лета при кухне. Но Ковзана разве пошлешь на ответственное задание – этот деревенский дядька за свою жизнь и одного раза не выстрелил из винтовки, ему ли справиться с сильным, здоровым Сущеней?

Хотя, если разобраться, то сетовать пока было не на что, все складывалось, в общем, терпимо, и Буров был бы почти доволен, если бы ему удалось немного отдохнуть. За последние дни он основательно вымотался, прошлой ночью не спал вовсе: под утро вернулся из-за Рессы, где разведывал новое место для лагеря (начальство решило менять на зиму лагерь – подальше зашиться в лесные дебри, потому что, когда замерзнут плавни и болота, в пуше отряду не удержаться). Три дня они с Хомутовым и еще одним разведчиком из-под Уллы ползали-лазали возле этой Рессы, кое-что там все-таки высмотрели и только – мокрые, усталые и голодные – вернулись в отряд, как на тебе: поезжай в Мостище. Что ж, Буров не привык отказываться, сказал: есть, будет сделано. Но это не значит, что в его душе играли оркестры – душа его плакала, словно на похоронах, ужасно хотелось хотя бы на часок прикорнуть в тепле и покое; по дороге он боялся нечаянно заснуть и свалиться с кобылы. Потому и гнал, не давая отдыху ни себе, ни Войтику, то и дело костеря в мыслях своего землячка Сущенко.

Постепенно, однако, гнев его стал убывать, Буров начал свыкаться со своей малопривытной, если не сказать, пугающей миссией. Но вот теперь, когда только поле отделяло его от усадьбы предателя, он почувствовал, как опять в нем поднимается злая решимость: надо

же пойти на такое! Против своих же людей. Вообще Буров был человеком крайних взглядов и твердых убеждений, людей он или принимал целиком, или так же целиком отвергал, не признавая никакого права на смягчающие обстоятельства, особенно сейчас, в войну. Действительно, разве теперь можно считаться с какими-то там обстоятельствами, когда погибло столько людей и конца этой гибели не видать. Наверно, тут нужно одно: железная твердость. И если уж попался в их лапы, то умри по-человечески, не навредив другим. Тем, кто еще имеет возможность что-либо сделать, а может, и отомстить за твою гибель. А этот придурок Сушня, видишь ли, захотел выжить и продал путейцев. Как будто они не хотели жить или у них на жизнь было меньше прав. Нет, в отряде решили справедливо: такого надо пристукнуть, чтобы неповадно было другим.

Вот только заниматься этим очень не хотелось Бурому, уж лучше бы кто другой. Жаль, другого у них не нашлось, такое противное дело досталось Бурову, и он был вынужден весь день трястись верхом на кобыле, пока добрался до Мостища.

Теперь вот предстояло самое трудное.

Чем оно ближе подступало, это трудное, тем все большее беспокойство охватывало Бурова. Бесконечное количество раз он прокручивал в голове, как прикончить Сушня, и остановился на самом простом решении: не рассусоливать, не заводить разговоров, отвести куда-нибудь и застрелить. Если будет сопротивляться, хитрить или оправдываться, застрелить на месте. Самое худшее, конечно, было не застать его дома, дожидаться или искать, если куда сбежал. Если удрал в местечко под защиту полиции, то совсем будет плохо, тогда задание его, считай, сорвалось. Придется возвращаться ни с чем, оправдываться перед командиром Трушкевичем, который больше всего на свете не терпел оправданий, это Буров хорошо запомнил. В таком деле он уже был научен: однажды побыл неделю обезоруженным – Трушкевич приказал сдать винтовку, оставив себе штык. Случилось так, что в Слободе, куда они ходили за взрывчаткой, им показали фигу и они вернулись с пустыми руками. А надо было постараться, проявить инициативу, «раскинуть мозгами», как сказал Трушкевич, и выполнить задание, «хоть кровь из носу». Так требовал этот старший лейтенант из окруженцев первого лета войны. Если что теперь у них не получится, он взыщет с обоих.

– Главное, ты не отставай и не высывайся. Лучше всего, чтобы я тебя спиной чувствовал. А что надо, я сам сделаю, – сказал Буров, не оборачиваясь к Войтику.

Тот опять заметно нахохлился.

– А кони?

– А что кони? Коней, если что, поддержишь.

– Надо бы еще кого взять, – громко высморкавшись на траву, мрачно заметил Войтик. – Третьего. Все бы управнее было. А то что вдвоем...

– Ну, ты умник гляжу! – начал раздражаться Буров. – Чего же там молчал? Сказал бы командиру: давайте третьего! Так молчал же?..

– Молчал, молчал, – проворчал Войтик и зло дернул за повод коня, который упрямо тянулся под куст за клочком зеленой травы. – Ну ты, лява, все не нажрешься!

Тем временем постепенно темнело – медленно и неохотно; в поле еще было светло, а станционные постройки по ту сторону речки все больше окутывались серым сумраком, высокие деревья на станции уже вовсе пропали в тумане. Наверное, можно было ехать, тем более что становилось все холоднее на этой продуваемой ветром опушке; редкие сосны вверх гневно гудели от ветра, да и оголодавшие лошади не хотели стоять – тянулись в ольшаник, жадно драли траву вместе с влажным зеленым мхом.

– Так. Давай помалу через поле на кладку, – бросил Буров и завернул кобылку.

Лошади пошли полем, звучно чавкая копытами в раскисшей от дождей борозде. Опушка осталась сзади, и в душе Бурова начало разрастаться холодноватое чувство тревоги: как бы ненароком их не подстерегли по ту сторону речки, у баньки или на огороде, как бы не напо-

роться на какую холеру. Все-таки за версту от станции находилась полиция, кто знает, сидят ли полицаи теперь в своем бункере или, может, как и они, носятся по дорогам и деревням, а то еще и устроят засаду. Мало ли они за лето нарывались на полицейские засады? Особенно на хуторах, проселках, возле мостов и кладок. Теперь, в этом поле, он не подгонял кобылку, и та шла, как хотела, устало клёкая копытами в грязи, а он, напрягая зрение, пристально всматривался в приречный кустарник, туда, где когда-то была кладка. Хотя он родился тут и подростком обегал все окрестности, с того времени, как отец в коллективизацию перебрался с семьей в местечко, Буров ни разу не побывал здесь – не было надобности, потом служил в армии на Дальнем Востоке, а два последних предвоенных года работал в районе – гонял по дорогам полуторку. И вот сейчас, проезжая по знакомым местам, едва узнавал их, хотя не многое здесь изменилось. По крайней мере, опушка, дорога и поле были совершенно прежними; когда-то он тут пас коров, возил с плавней сено, знал тут каждое болотце и каждую стежку.

Кажется, однако, и в поле, и возле речки было пусто, лишь в приречном лозняке на ветру копошилась непоседливая воробыная стайка да с изгороди возле баньки лениво взлетела ворона. Он уже видел там сущеневский огород с двумя аккуратными стожками возле сараев, от баньки туда, помнится, вела хорошо утоптанная стежка. Когда-то подростком он бегал там, зарясь через плетень на толстые стручки сущеневских бобов; одно лето той стежкой гонял к речке гусей. Сущеня тогда был неженатым, в общем, спокойным, покладистым парнем, лет на десять старше его; на Кольку Бурова он мало обращал внимания, занятый своими интересами, своей компанией. Но чем-то он даже нравился Бурову, может, своей незлобностью в отношениях с другими – взрослыми и детьми. Кто бы подумал, что их судьбы когда-нибудь пересекутся таким дьявольским образом? Но вот пересеклись...

Речка была неширокая, с крутыми, местами подмытыми в паводок берегами и кладкой – двумя брошенными на коряги гниловатыми досками. Буров соскочил с кобылки, потянул за повод; противясь, та взмахнула головой, нерешительно переступила передними ногами – боялась идти в воду. Может, правильно боялась, подумал Буров, черт его знает, какая тут теперь глубина. Но, может, не утонет?... Он сильнее дернул за повод и сам нерешительно ступил на притопленный конец кладки, направляя кобылку рядом. Наконец та, видно, решилась, осторожно сошла с берега и вдруг отчаянно бросилась в реку. Он торопливо переступил по кладке, которая предательски подалась под ногами, почти до дна уходя в воду. Едва удержавшись на доске, выпустил из руки повод; кобылка, подняв множество брызг, испуганно выскочила на ту сторону и остановилась, отряхиваясь и озираясь. Мысленно выругавшись, Буров неторопливо выбрался из реки и подобрал в траве мокрый повод.

Сзади, не слезая с коня, чего-то дожидался Войтик.

– Ну что стал? Давай верхом. Тут неглубоко...

Войтик перебрался более удачно, его конь тяжело втарахтался на берег, и Войтик, соскочив наземь, взял из рук Бурова повод. Стоя на одной ноге, Буров стянул сапог, вылил воду, отжал мокрую дырявую портянку.

– Не хватало еще, холера...

Впереди и немного в стороне на речном берегу ютилась почерневшая от дыма и времени кособокая банька, рядом с ней вольготно раскинулась дичка-грушка. Наверно, там можно было укрыться, и Буров повел туда озябшую кобылку. Промокшая его нога коченела все больше, да и другая не убереглась от воды – дырявые сапоги чавкали на ходу, надо было переобуться, сменить портянки (если бы они у него были в запасе). Но, еще не дойдя до баньки, он учуял знакомый запах дыма и встревожился. Если от баньки тянет дымком, значит, ее топят или уже истопили и моются, надо же было угодить сюда в такое неподходящее время! Но поворачивать, пожалуй, было уже поздно – их могли увидеть в крохотное окошко из баньки.

Буров зашел с глухой, надречной стороны баньки, прислушался. Здесь уже вовсю пахло дымом, сажей, сухой нагретой глиной. Подъехав поближе, Войтик тоже соскочил с коня. Поко-

сившаяся дверь бани была заботливо подперта еловым колом – значит, внутри еще никого не было. Наверно, еще только собирались мыться.

Войтик с напряженной озабоченностью ждал, что делать дальше, и Буров решил:

– Давай по стежке туда. Вон его хата...

Хата и надворные постройки сущеневской усадьбы темнели в вечерней мгле, с улицы баня почти не просматривалась. Лишь бы не встретить кого в огороде на стежке, подумал Буров. Впрочем, если кто и встретится – не большая беда, дела у них всего на минутку, долго они тут не задержатся. Только бы не наскочить на полицию. Но в такой именно серый час суток люди еще не заперлись по хатам, заняты во дворах, собирают на ночь скотину, наверно, в такое время полиция не очень усердствует. Усердствовать она начнет чуть позже. Когда вокруг все утихнет.

С лошадьми на поводьях они подошли ко двору и сразу очутились на дровоколье с недавно привезенными из леса березовыми кругляками, беспорядочной кучей сваленными возле изгороди. Рядом на земле стояло старое корыто, валялись какие-то ведра, прислоненные к стене сарая, стояли грабли и вилы. С улицы дровоколью не было видно, а от поля ее прикрывал близкий стожок на огороде, и Буров, прислушавшись, отдал Войтику повод.

– Стой тут и жди. Если что, я стрельну.

– Недолго чтоб.

– Недолго, недолго...

Войтик перехватил веревочный повод, а Буров снял из-за спины карабин и тоже отдал напарнику. Наверно, карабин ему теперь не понадобится, в его деле можно обойтись и наганом, который в твердой кожаной кобуре висел на ремне. За пазухой под шинелью у него была круглая, с острым ободком немецкая граната – пожалуй, хватит на одного Сущеню. Если их там окажется больше, дело, конечно, усложнится. Если больше, придется поволноваться. Но как-нибудь.

Стараясь ступать потише, он прошел по грязному двору к дверям в сени, осторожно приоткрыл их за клямку и прислушался. Из хаты вроде никого не было слышно, только где-то из-за перегородки подала голос свинья; он переступил порог и начал тихонько притворять за собой дверь. Но тотчас же распахнулась дверь из хаты – рослый мужчина, в черном ватнике, с хмурым свежевыбритым лицом, без шапки, пугливо уставился в полумрак. Это был, конечно, Сущеня, Буров узнал его и сдержанно сказал из сеней:

– Можно к вам?

Хмурое лицо Сущени, похоже, нахмурилось еще больше, чуть помедлив, он растворил дверь шире. С понятной опаской в душе Буров переступил другой порог и поздоровался. Однако ему не ответили, кажется, в хате никого больше не было. На уголке стола смрадно чадила копилка, за закрытыми дверцами грубки разгорались дрова. В их мигающем свете на полу откуда-то появился мальчишка лет четырех, удивленным, почти восхищенным взглядом широко раскрытых глазенок уставился на Бурова. В руках он держал грубо вырезанную из куска доски игрушку, которую тут же с готовностью протянул гостю.

– Во, лошадка! Мне папка сделал.

В искреннем ребячьем жесте было столько ласки и доверия, что Буров не удержался, взяв игрушку, рассеянно повертел ее в руках, похвалил:

– Хороша лошадка.

– А мне папка и собачку сделает. С хвостиком.

– С хвостиком – это хорошо. Как тебя звать?

– Меня звать Глыша. А папку Сусцэня.

– Значит, будешь Григорий Сущеня, – сказал Буров. Он уже пожалел, что начал этот ненужный разговор с ребенком. И обернулся к хозяину, молча стоявшему возле порога. – Ну, как живется?

– Садись, чего уж, – выдавил из себя хозяин. – Не узнал сперва. Изменился...

– Так, наверно, и ты изменился, – сказал Буров и, ощутив минутное, вовсе не свойственное ему замешательство, присел на скамью в простенке.

Тут же к нему, по-утиному переваливаясь на выгнутых ножках, проковылял Гриша, доверчиво прислонился к колену.

– А у Лёника патлон есть, – ласково заглядывая Бурову в лицо, сообщил он. – Что стелет. Пух!

– Вот как! Патроны теперь не для ребят, – строго заметил Буров.

– Да не патрон, Гриша, – поправил отец. – Гильза у него.

– Ага, гильза.

Гриша тем временем оставил игрушку и, засунув в рот коротенький пальчик, принялся рассматривать гостя.

– Я к тебе, Сущень, – с дурацким напряжением в голосе сказал Буров, осторожно отстраняя от себя малыша. Тот, однако, продолжал лгнуть к гостю.

– И пуля у него есть. У Лёника.

– Ладно, Гришутка, иди на кроватку, там поиграешь, – сказал Сущень и подхватил сына на руки.

Гришутка протестующе захныкал, засучил ножками, но отец спокойно отнес его на кровать и расслабленно вернулся к грубке.

– А жена где же? – спросил Буров.

– Корову доит. Сегодня вот баню протопил, мыться собрались.

Хозяин опустился возле грубки на низенькую скамеечку, нервно сцепил между колен большие крепкие руки.

– Мыться – это хорошо, – сказал Буров, думая уже о другом.

Он думал, что стрелять здесь Сущенью, наверно, было нельзя, этот малыш портил ему все дело, отца следовало куда-нибудь вывести – во двор или, может, к бане. К бане было бы лучше. Правда, выстрел могли услышать на станции, а им еще надо было перелезть через речку... Лучше бы, конечно, за речкой... Оттуда – через поле и в лес. Только как его доведешь туда? Вдруг догадается?

– Я знал, что придете, – сказал Сущень с явным надломом в голосе, и в душе Бурова что-то недобро шевельнулось. Но Буров ничем не выдал того и почти бодро заметил:

– Знал? Ну и хорошо. Значит, вину свою понимаешь.

– Чего ж тут понимать, – развел руками Сущень. – Никакой же вины нет на мне, вот в чем загвоздка.

– Нет?

– Нет.

– А ребята? – вырвалось у Бурова. – Что повесили?

– Ребят повесили, – согласился Сущень и сокрушенно поник на скамейке.

Похоже, он даже готов был заплакать – коснулся пальцами глаз, но тут же, наверно, совладал с собой и выпрямился. В душе ругая себя за промедление и нерешительность, Буров почувствовал, как судороги сводят его озябшие ноги, портянка на левой к тому же сбилась и натирала стопу. Наверное, надо было кончать этот разговор и приниматься за дело. Однако не в лад со своим намерением он тянул время, будто не решаясь переломить себя, настроить на главное. Из запечья снова выбежал Гриша и деликатно приблизился к Бурову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.